

MEDIEVAL HISTORY OF CENTRAL EURASIA

ISCA

№3 (3) 2024 г.

www.isca.kz

MEDIEVAL HISTORY OF CENTRAL EURASIA

Has been published since 2020

No. 3 (5) 2024

Astana 2024

**EDITORIAL TEAM OF THE JOURNAL
MEDIEVAL HISTORY OF CENTRAL EURASIA**

CHIEF EDITOR

Doctor of historical sciences,
Assistant Professor
Nursultanova L.N.

EDITORS:

- **Qydyráli Darhan** Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)
- **Muminov A.K.** Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)
- **Samashev Z. S.** Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)
- **Abuseitova M. K.** Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)
- **Sabitov Zh. M.** PhD in Political Science (Kazakhstan)
- **Golden Peter B.** Dr., Professor (USA)
- **Kradin N.N.** Doctor of Historical Sciences, Professor (Russia)
- **Erdélyi István** Doctor of Historical Sciences, Professor (Hungary)
- **Uzelac Aleksandar** PhD in History (Serbia)
- **Mirgaleev I. M.** Candidate of Historical Sciences (Russia)
- **Zaytsev I. V.** Doctor of Historical Sciences, Professor (Russia)
- **Petrov P.N.** Candidate of Historical Sciences (Russia)
- **Nagamine Hiroyuki** PhD in History (Japan)

Editorial address: 8, Kabanbay Batyr avenue, of.316, Nur-Sultan, Kazakhstan, 010000
Tel.: (7172) 24-18-52 (ext. 316)
E-mail: medieval-history@isca.kz

Medieval History of Central Eurasia
Owner: Astana International University
Periodicity: quarterly
Circulation: 500 copies

CONTENT

Zharas Akhan, XIX YÜZYILDA KAZAK TOPRAKLARINDA DİNİ - SİYASİ DURUM.....	5
А.А.Каратаев, Қ.С. Өскембаев ҚАЗАҚ ЖҮЗДЕРІ ТУРАЛЫ ЖАЗБА ДЕРЕКТЕРГЕ ШОЛУ.....	27
Н.Р.Бисенғалиев, Г.Б.Сулейменова АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ О СИСТЕМЕ ВЫСШИХ И СРЕДНИХ СПЕЦИАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА (1945-1985ГГ). УСПЕХИ И ПРОБЛЕМЫ.....	37
Н.А.Умбетов ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ БАРАК ХАНА В УЛУСЕ ДЖУЧИ.....	53
Т.В.Мармонтава, А.Т.Тажибаяв КАЗАХСКАЯ СТЕПЬ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПЛАНАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ.....	69

КАЗАХСКАЯ СТЕПЬ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПЛАНАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Т.В.Мармونتова¹, А.Т.Тажибаев²

¹кандидат исторических наук, ассоциированный профессор ВШИГН,
Международный университет Астана, научный руководитель Центра
Аналитических исследований «Евразийский мониторинг», Астана, Республика
Казахстан, marmontova@mail.ru

²директор Центра Аналитических исследований «Евразийский
мониторинг», Астана, Республика Казахстан

Аннотация. Статья посвящена анализу геополитической значимости Казахской степи для Российской империи в XIX веке. Рассмотрены аспекты, объединяющие и разделяющие историю и геополитику в контексте интеграции кочевых сообществ. Геостратегическое положение степи и уникальная социальная структура казахского общества потребовали от России адаптации административных методов. Идеологическое обоснование экспансии как «цивилизаторской миссии» создавало основу для имперской политики, но также вызывало социальное напряжение. Исторические события рассматриваются как основа для понимания современных многовекторных отношений Казахстана, который балансирует между Россией и Китаем. Статья подчеркивает значимость учета культурного наследия в геополитике и дипломатии.

Ключевые слова: Казахская степь, Российская империя, геополитика, цивилизаторская миссия, кочевые сообщества, многовекторная политика.

ВВЕДЕНИЕ

К началу XIX века Казахская степь играла важную роль в геополитических планах Российской империи. Стремясь усилить своё влияние в регионе, Россия рассматривала степные территории как ключевой элемент своей политики в Азии. Этот процесс включал как военное присутствие, так и административные реформы, направленные на интеграцию кочевых сообществ в империю. История и геополитика связаны между собой, поскольку история определяет развитие народов и государств, а геополитика — это инструмент, который учитывает стратегические, территориальные и политические интересы государств. Рассмотрим их сходства и различия на примере взаимоотношений Российской империи и Казахской степи.

В части сходства историю и геополитику сближает:

Взаимодействие с кочевыми сообществами. Кочевое население играло важную роль в российской политике. Исторически Россия училась взаимодействовать с казахскими родами через дипломатические и военные каналы, а геополитически это было необходимо для поддержания стабильности на границах империи.

Определяющее влияние территории. Стратегическое положение степи играло ключевую роль в политике России, стремящейся укрепить свои позиции в Азии.

Государственные интересы. Расширение Российской империи было достаточно протяженным во времени, а применительно к ситуации с территорией современного Казахстана обеспечивало контроль над ключевыми маршрутами и границами, что укрепляло позиции России в Азии.

Между тем, нельзя поставить знак тождества между геополитикой и историей. Определяют эти различия:

Временные рамки. История сосредотачивается на изучении событий и процессов в определённые временные периоды. Например, интеграция Казахской степи в Российскую империю в XIX веке рассматривается как часть исторического процесса расширения России на восток.

Цели и подходы. Исторический подход фокусируется на анализе того, как события прошлого повлияли на развитие обеих сторон, описывая их культурные и социальные последствия. Геополитический анализ, напротив, сосредоточен на стратегических целях — обеспечении безопасности границ, контроле торговых путей и укреплении влияния в регионе для противостояния другим империям.

Роль идеологии. В истории Российской империи миссия цивилизаторства была ключевым идеологическим элементом, объяснявшим ее присутствие в степи. Геополитика менее интересуется идеологией и больше сосредоточена на практических целях, таких, как обеспечение безопасности торговых путей, создание военных форпостов и контроль над стратегическими регионами.

Таким образом, цель данной работы состоит в анализе взаимодействия Российской империи и Казахской степи через призму исторических и геополитических факторов, выявляя точки пересечения и отличия в подходах к управлению и интеграции кочевых сообществ. Статья направлена на понимание того, как эти аспекты взаимодействия повлияли на развитие региона в XIX веке и продолжают оказывать влияние на современные международные отношения.

Исходя из указанной цели задачи определяются как:

-
- Изучение роли Казахской степи в геополитической стратегии Российской империи.
 - Анализ влияния российских административных реформ на ситуации в степи в позапрошлом веке.
 - Сравнение исторического опыта взаимодействия с современными геополитическими реалиями и попытка предложить новый взгляд на историю как политологическое исследование, через оценку исторических событий с учетом современных вызовов в международной дипломатии и значимости многостороннего сотрудничества для сохранения региональной стабильности.

Вопрос о том, как Российская империя расширяла свое влияние в Казахской степи активно рассматривается как в отечественной, так и зарубежной историографии. А с учетом того, что данная статья представляет собой подход политолога к оценке исторического процесса. При этом современные политологические исследования очень часто основываются на оценке данных. Соответственно, в контексте указанной методологии, данными будут выступать ключевые работы, охватывающие географические, этнографические и социально-политические аспекты ситуации в Казахской степи в рассматриваемый период, что существенно расширяет представление о стратегии Российской империи в регионе.

Среди них исследования Николая Ядринцева «Сибирь как колония» (1882) (Ядринцев, 1882), которая помогает сделать выводы о том, как сибирские областники, те, кто проживал в непосредственной близости от территории, заселенной казахами, понимали роль России как колонизатора и модернизатора. Труд Ядринцева, с позиций культурной и политической перспективы, рассматривает Сибирь и сопредельные территории как области, требующие «цивилизаторской» миссии, где Россия выступает в роли проводника европейских ценностей.

«Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба» (Материалы для географии и статистики России, 1868), а также «Военно-статистическое обозрение Российской империи» (Военно-статистическое обозрение Российской империи) предоставляют более подробное описание социально-экономического состояния казахских земель. Примечательно, что данные материалы отображают восприятие кочевого населения российскими администраторами как культурно и политически отличающееся, что обуславливало особые подходы к управлению.

Работа Ивана Словцова (1879) (Словцов, И. Я., 1879) добавляет к общей картине взгляд с точки зрения этнографии, предлагая детальный анализ

образа жизни кочевых народов и их адаптации к окружающей среде. Его заметки подчеркивают необходимость учета менталитета и обычаев при управлении этими территориями, предостерегая от насильственной ассимиляции. Включение всех этих источников в обзор литературы позволяет глубже понять, как история и геополитика переплелись в российских подходах к управлению Казахской степью, создавая основу для осознания ошибок прошлого и необходимость учета культурного наследия при выстраивании современных международных отношений.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

К началу XIX века стало понятно, что продвижение интересов России в степь - это долгий, стратегически продуманный процесс, который определял интересы крупных игроков на территории, которую мы сегодня привыкли называть Евразией, а в тот период эти территории было принято называть Азиатской Россией. Николай Михайлович Ядринцев, публицист и общественный деятель, исследователь Сибири в своем фундаментальном труде «Сибирь как колония», вышедшей в 1882 году, пишет: «Географическое положение в Азии, связывающее европейский мир с азиатским, указывает этому краю некоторую своеобразную политическую роль и значение в будущем. Конечно, азиатские народности не всегда останутся в периоде косности, замкнутости и полуварварства. Когда-нибудь здесь предвидится великая общечеловеческая работа» (Ядринцев, 1882). В этом контексте Россия рассматривала себя как мост между Европой и Азией, связывая европейские ценности с азиатскими народами, что подразумевало миссию цивилизационного развития. Что-то сродни британской «миссии белого человека» просматривается в фразе «великой общечеловеческой работы», это может трактоваться как прогноз о будущем сотрудничестве, развитии и культурной интеграции. Это отражает представление о том, что Россия в Азии играла роль модернизатора, стремящегося вывести азиатские народы на новый уровень развития. В современном контексте отношения наших стран носят более равноправный характер, основанный на сотрудничестве и взаимных интересах, нежели на иерархической модели, представленной в XIX веке. Тема «общечеловеческой работы» в XIX веке может быть прообразом современной интеграции в Евразийском регионе. Сегодня Казахстан и Россия сотрудничают в рамках таких организаций, как, например, ЕАЭС, что подразумевает общие цели в области экономики и безопасности.

При изучении источников имперского периода обращают на себя внимание выраженные параллели в развитии ситуации в регионе в веке девятнадцатом и веке двадцать первом. Особенно четко это можно увидеть

при чтении «Материалов для географии и статистики России, собранных офицерами Генерального штаба». Исследование представляет собой многотомный сборник данных, собранных офицерами Генерального штаба Российской империи. Материалы были собраны в период, когда Российская империя активно исследовала и документировала свои территории, что позволяет понять, как в то время воспринимались география и статистика. А сам факт того, что авторами издания выступали люди, находившиеся на государственной службе, позволяет говорить о том, что тщательно проверенные сведения делают их надежными для исторических и статистических исследований.

При чтении строк шестнадцатого тома, где подполковник Николай Красовский рассуждает о жителях «Области сибирских киргизов» запоминается тезис о том, что для России, принимающей новые азиатские территории под своё крыло, было особенно важно в полной мере получить весь набор знаний о степи и ее кочевых обитателях, поскольку нужно не только сохранять существующий порядок, но и строить новый (Материалы для географии и статистики России, 1868, с. 1-2). Офицеры верно подметили, что Казахская степь была удивительной территорией, своеобразным миром, в котором общественная структура и образ жизни формировались в результате взаимодействия человека с природой и были далеки от тех социальных моделей, которые существовали в европейской части Российской империи. В степи не было ни деспотов, ни чётко установленных порядков, диктуемых общественным мнением или религией. По мнению Красовского образ жизни народа, определяемый территориальными условиями, сам формирует его общественное устройство. Бескрайние просторы степей, где каждое племя и каждый род жили по своим традициям и обычаям, предопределяли уникальную социальную организацию. Это устройство защищается специфической системой управления, основанной на общественном мнении и его поддержке. В отличие от строгих административных порядков, в степи основным регулятором общественных отношений было именно общественное мнение, что придавало социальным структурам гибкость и адаптивность.

Казахская степь была местом, где приходилось искать баланс между традиционным укладом жизни и новыми административными практиками, не нарушая хрупкое равновесие между интересами различных слоев населения. Постепенная интеграция в имперскую систему, влияние образовательных и культурных процессов привели к тому, что в степи начались изменения, которые требовали учета местных условий и

нужд. Офицеры царской армии, часто выступающие в роли администраторов и посредников, должны были учитывать эти динамические процессы, чтобы обеспечить мирное сосуществование и развитие региона. Весьма примечательно, что тот же Красовский, анализируя особенности общественного устройства, отмечает своеобразный демократизм строя: «У киргиз-кайсаков, как было уже несколько раз замечено, не появлялось деспотической власти и такого гнетущего устройства, при которых в народе легко могло бы зародиться желание вверить свою судьбу одному из иноземных правительств» (Материалы для географии и статистики России, 1868).

Интересно, что мнение Красовского практически дословно повторяет один из часто встречающихся в современной популярной литературе концепт «степной демократии». Адепты данного концепта считают, что «особый вид демократии» был в кочевом обществе в средние века. Конечно же, они не имеют в виду то, что это была демократия современного типа. Они больше склоняются к тому, что «степная демократия» была наподобие «афинской демократии» античного периода. Действенной формой борьбы с ханом были откочевки целых племен и родов от хана. Но при этом каждый член рода не имел личной свободы. Он был кем-то, только находясь в составе своего рода. Таким образом, политический институт хана был слаб, а институты «биев и батыров» были сильны. Здесь стоит оговориться, что слабость политического института не означает слабости ханской власти вообще. Слабость политического института подразумевала, что власть хана зависела от личных качеств человека. Если человек обладал харизмой, то его ханская власть могла усилиться, если хан был слабохарактерный, то и его власть была слабой (Сатпаев, Д., 2024).

Ситуация в момент прихода России в Казахскую степь была такова, что по словам того же Красовского: «Киргизам [...] было решительно все равно, под чьей, своей или чужеземной, властью им находиться, лишь бы эта власть не посягала на существующее устройство [...], на свободу жителей, т. е. на их своеобычие». «Степную демократию» можно охарактеризовать как ограниченную монархию с высоким уровнем местного самоуправления (Сатпаев, Д., 2024). Таким образом, обращает внимание очень высокая степень параллели в оценке политического строя кочевников.

В приведённом тексте Красовского можно увидеть глубокий анализ социально-политической ситуации в Казахстане в первые десятилетия российского правления. «Ни правительство Богдыхана, ни властители некоторых среднеазиатских государств, тоже иногда присваивавшие себе право называть всех киргизов своими подданными, во внутреннее

управление той частью степи, которая ныне подвластна России, нисколько не вмешивались. Кокандские и ташкентские правители собирали дань только с кайсаков, кочевавших в окрестностях сартских селений. Также поступал и бухарский эмир, величавший себя властелином всех киргиз-кайсацких земель. Наконец, пекинский двор, тоже постоянно добивавшийся права называть всех киргиз подданными богдыхана, посылал в степь подарки, утверждал влиятельных правителей киргизских, но в дела страны тоже не вмешивался и даже подати никакой не брал, хотя и назначил таковую, единственно из желания убедить киргизов в том, что они подданные Китая.» [5, с. 8-9]. Россия, вступив в регион, пыталась установить контроль, при этом сталкивалась с существенными трудностями, обусловленными культурными и социальными особенностями кочевого населения. Анализируя этот сюжет, можно провести параллели с современными аспектами внешней политики Казахстана, особенно в отношении России и Китая как основных игроков. Интерес к изучению материалов, собранных офицерами Генерального Штаба Российской империи, вырос в современный период от того, что анализ их содержания показывает фантастический набор параллелей с современной ситуацией. Изложим далее самые явные из них.

Россия и Китай как основные игроки. В XIX веке Россия и Китай играли ключевую роль в судьбе казахских земель. Китай претендовал на право считать казахов своими подданными, но фактически не вмешивался во внутренние дела степи, что контрастирует с российским подходом, который включал более активное вмешательство и административное переустройство. В настоящее время Казахстан проводит политику многовекторности, пытаясь балансировать между двумя крупными соседями — Россией и Китаем. Однако, несмотря на рост китайского влияния через экономические инициативы, Казахстан продолжает отдавать предпочтение России в политическом и военном сотрудничестве, как это было и в исторической перспективе.

Выбор в пользу России. Казахская степь, по сути, вынужденно оказалась под российской властью. Россия, не смотря на начальное невмешательство, начала устанавливать контроль и проводить административные реформы, включая казахский степи в свою структуру. Казахстан и сейчас тесно связан с Россией в рамках Евразийского экономического союза, Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и других структур. Это сотрудничество часто интерпретируется экспертами как выбор Казахстана в пользу России в области безопасности и геополитического партнёрства, несмотря на значительное китайское экономическое влияние. «При таких

отношениях к югу и востоку киргиз-кайсаки не имели ни малейшего повода враждовать с соседями этих сторон, и, действительно, хищнические нападения в пределы Китая и за реку Чу — суть не что иное, как частная баранта. Совсем иными условиями обставлены были наши первоначальные столкновения со степью, правители которой поставили свой народ под опеку русского правительства так же внешне, так же случайно, как случайно ставили его и под власть Китая, или под покровительство Бухары, полагая, что если южные и восточные государства были равнодушны к внутреннему устройству степи, то нет причины опасаться, чтобы и со стороны севера были произведены попытки к каким-либо реформам. Сначала Россия, так же, как и Китай или Бухара, почти ни во что не вмешивалась, однако долго терпеть в своих пределах междоусобицы, неповиновение местным властям, которые были утверждаемы нашим правительством, она не могла. А чтобы водворить спокойствие, надобно было наскоро придумывать какое-нибудь административное устройство, вводить которое приходилось тем с большим трудом и издержками, чем менее оно было понятно для совсем невежественных или полубразованных жителей, чем менее согласовалось с их обычаями; коротко же познакомиться в этом отношении со степью мы и до сих пор еще не успели, и потому-то вот уже больше столетия бьется наше правительство, чтобы ввести в этой стране порядок, а цель вовсе еще не достигнута» (Сатпаев, Д., 2024).

Отношение к внешним государствам. Сегодня в Казахстане также наблюдаются неоднозначные настроения в отношении России и Китая. С одной стороны, Россия воспринимается как традиционный партнёр и союзник, с другой — имеются опасения относительно возможного чрезмерного влияния Москвы на внутренние дела Казахстана. Китай, в свою очередь, воспринимается более нейтрально, хотя и с осторожностью в связи с растущим экономическим присутствием. Исторический анализ «Материалов» подчеркивает сложность взаимоотношений Казахстана с Россией и другими соседними государствами в XIX веке. Эти параллели перекликаются с современной внешнеполитической ситуацией, где Казахстан, сохраняя свою независимость, продолжает играть на поле влияния крупных держав, отдавая предпочтение России, но при этом стараясь сохранить баланс в отношениях с Китаем и другими соседями. «Теперь всюду, рядом с официальным русским управлением известной части степи, существует свое, так сказать неофициальное, замедляющее или останавливающее действие поставленных правительством властей. Первое руководится точным смыслом русских постановлений, во многих случаях мало или совсем не приноровленных к понятиям киргизов; второе

управляет народом на основании его обычаев. Столкновения, например, аульных старшин с окружными приказами, или с старшими султанами, или даже с еще низшей, правительственной же, инстанцией — волостными правителями, неизбежны, потому что первые знают только свои обычаи, последние же иногда должны приводить в исполнение русские законы, между тем и те и другие выражают собой частицу одной и той же верховной власти. При существовании же такой разладицы в управлении, довольно мудро надеяться на прочное водворение спокойствия в пограничной и еще недавно столь беспокойной стране при помощи ныне существующего порядка; точно также трудно рассчитывать и на то, чтобы хотя один из теперешних способов устройства разных частей степи мог вполне обеспечить развитие благосостояния местного населения. Итак, пока степь не получит однообразного устройства, которое, будучи вполне согласно с теперешними знаниями киргизов, с их образом жизни, с некоторыми повсеместно распространенными обычаями и проч., не противоречило бы в тоже время и общим государственным целям державы, под власть которой суждено было подпасть киргиз-кайсацкому народу, — пока степь не будет всецело причислена к той обширной семье, которая называется Русскою империею, т. е. пока не будут обнародованы в степи законы, для понимания которых киргизам не нужно было бы отказываться от всех их прежних убеждений, — до тех пор киргизы, отдавая в лице правительственных лиц видимое повиновение существующим ныне местным властям, будут в сущности, в случаях, касающихся преимущественно их внутренних дел, повиновения этого уклоняться, и беспокойство в степи не прекратится, несмотря на всевозможные меры, принимаемые к умиротворению, так как не затронутым останется корень беспокойства — отсутствие сообразного с существующими условиями устройства» (Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба, 1868, с.9-14).

Текст отражает противоречие между официальной властью Российской империи и традиционным укладом жизни казахов, подчеркивая трудности в попытке навязать законы и порядки, не учитывающие местные обычаи и мировоззрение. Этот фрагмент интересен как свидетельство того, что механизмы имперского управления часто сталкивались с сопротивлением на местах, особенно в тех регионах, где традиционные устои жизни были крепки и укоренены в сознании народа. Это также подчёркивает, что любой вид внешнего управления должен учитывать особенности местного менталитета и культурного кода, иначе он будет обречён на провал.

Проблема интеграции и управления различными народами и территориями — это не просто вопрос применения силы или закона, а прежде всего вопрос диалога культур. Это актуально и сегодня, когда Казахстан и Россия строят свои отношения в новом, постсоветском контексте. Понимание исторических ошибок и их причин может помочь избежать повторения подобных проблем в будущем. Фраза «степь не получит однообразного устройства» раскрывает суть проблемы: для успешного взаимодействия необходимо создать такие условия, при которых новые законы и порядки воспринимались бы не как насилие над привычным укладом, а как органичное продолжение существующих традиций. Это понимание важно и в контексте современной политики, где вопросы суверенитета, культурной идентичности и взаимоотношений с соседними державами остаются ключевыми для обеих стран.

Казахи-кочевники и их взаимодействие с российской администрацией всегда были предметом особого интереса, особенно в контексте расширения границ Российской империи. Исследования социальной и экономической истории этого периода позволяют глубже понять взаимные отношения и восприятие кочевых сообществ со стороны российских властей. В середине XIX века внимание администрации было сосредоточено на изучении степного населения, его уклада жизни и отношения к империи. Эти данные играли ключевую роль в выработке политики управления казахскими землями. Так, работа «Военно-статистическое обозрение Российской империи», в которой собраны статистические данные по социально-экономической истории середины XIX века, в четырнадцатом томе, посвященном описанию земель Оренбургского ведомства, содержит интересный отрывок, который анализирует степень расположения казахских родов к России.

Приведем его в несколько усеченном виде: «Большое или меньшее удаление киргизов от русских может служить показателем их расположения к России. Рода, кочующие по северным степям, привыкшие к русским, готовы исполнять волю правительства почти безпрекословно....из привычки повиноваться, внушенной....близостью русских. Они чувствуют, что выгоды их тесно связаны с пребыванием русских поблизости, и что они здесь более независимы, более свободны, чем где-либо ещё....

Рода, кочующие в средней степи....наиболее многочисленные, будучи удалены от русских, весьма недружелюбно расположены.... (далее отмечается, факт, что эта «нелюбовь» питается влиянием хивинцев).... посольства наши в Хиву и, наконец, возведение постоянных укреплений в

глубине степи и на реке Сыр-Дарья — всё это произвело на них сильное впечатление. Нет сомнений.... частые сношения с ними, обратят их в мирных подданных.

[Рода]... кочующие на самом краю степи, до последних годов имели меньше понятия о русских.... окружены своими единоверцами — Хивинцами и Коканцами, которые до сих пор много эксплуатируют их.Возведение укреплений на реке Сыр-Дарья должно прекратить все вышеозначенные злоупотребления со стороны Хивинцев и Коканцев» (Военно-статистическое обозрение Российской империи: издаваемое по высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба, 1848–1858, с.89-107).

Вывод из этого отрывка весьма простой, для кочевника, который на протяжении нескольких столетий проживал рядом с таким же казаком или иным поселенцем Россия никогда не воспринималась как что-то чуждое. По мере удаления от общей границы нарастает определенное отчуждение. Важно помнить, что во время написания данного источника шёл процесс подчинения среднеазиатских ханств он отличался большей военной жесткостью и сопротивлением, нежели постепенная интеграция Старшего жуза в состав России через дипломатию и торговые связи. Придя в Казахскую степь, Россия прекрасно понимала, что имеет дело с людьми, которые имеют специфическую ментальность, и гораздо ближе к Востоку, чем Западу, это в своем исследовании отмечает Иван Яковлевич Словцов, один из основателей Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, который внес значительный вклад в исследование северной части Казахстана. В 1877-1878 годах он совершил экспедицию в Кокчетавский уезд Акмолинской области.

В своих научных заметках о той экспедиции географ отмечал: «Кочевники — русские подданные при общественном и семейном строе... тяготеют на пути своего развития к востоку. Без особого воздействия на них правительства они скорее угаснут, чем войдут в колею культурных народов запада. Вот почему исследование экономического быта их требует особого предпочтения, вот почему всякая административная мера к улучшению их благосостояния требует опытов и наблюдений. Бедность и угасание инородцев служит печальным явлением, показывающим, насколько вредно предоставлять развитие экономического быта их среди оседлого населения, времени и обстоятельствам» (Словцов, И. Я., 1879, с.65).

Эта цитата отражает глубокий интерес российских ученых конца XIX века к специфике быта кочевников, подчёркивая необходимость их изучения для эффективного управления и интеграции. Современные

реалии подтверждают актуальность этих исследований, поскольку они позволяют лучше понимать исторические и культурные особенности народов, что важно для их экономического и социального развития. Российские ученые предвидели, что без поддержки правительства кочевники могли бы угаснуть, не сумев адаптироваться к условиям, характерным для культурных народов Запада.

Вспомним непростую судьбу коренных племен Америки, индейцы населявшие Великие равнины в результате колониальной политики массового переселения европейцев и насильственной ассимиляции, потеряли свои земли и традиционный образ жизни, такая судьба постигла, к примеру, племена дакота и шайенов, которые погибли или растворились среди переселенцев, утратив свою культурную идентичность. Еще одним примером является исчезновение культуры может считаться судьба тасманийских аборигенов. Колониальная политика британцев в XIX веке привела к насильственной депортации, убийствам и болезням, что почти полностью уничтожило коренное население Тасмании. Оставшиеся аборигены были вынуждены ассимилироваться, и их уникальная культура практически исчезла. Сегодня это осознание подчеркивает значимость сохранения культурного наследия и создания условий для устойчивого развития. Наша цель — не только представить документальные свидетельства прошлого, но и помочь читателю осмыслить, насколько важны эти знания для нашего времени

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Таким образом, оценка событий, связанных с процессом присоединения Казахской степи к Российской империи с учетом выбранной методологии, позволила выделить несколько важных геополитических аспектов, показывающих сложность интеграции региона.

Во-первых, геостратегическое положение степи играло ключевую роль в планах Российской империи, стремившейся к укреплению позиций в Центральной Азии. Российская администрация рассматривала Казахскую степь как буферную зону, которая могла защитить южные границы от потенциальных угроз, исходящих как из Китая, так и от других азиатских держав. Этот фактор определил высокую степень вмешательства России в дела региона, оправдывая как военные кампании, так и дипломатические усилия по установлению контроля.

Во-вторых, социально-политическое устройство казахских кочевников и их специфический уклад жизни оказались важным элементом, с которым пришлось считаться российской власти. Как подчеркивал Н. Красовский и

И. Словцов, отсутствие жестких централизованных структур власти у кочевников делало их социум более гибким, но требовало от России нестандартного подхода к управлению. Российская администрация постепенно пришла к осознанию, что прямое насаждение имперских порядков без учета традиционных степных норм и обычаев могло вызвать сопротивление. Этот вывод оказал влияние на разработку гибких административных решений, сочетающих местное самоуправление с имперским надзором, и позволил укрепить управление без лишних конфликтов.

Наконец, третий аспект — это идеологическая интерпретация процесса присоединения. Российская империя позиционировала себя как модернизатор и просветитель, что создало идеологическую основу для её присутствия в регионе. Идея «цивилизаторской миссии» не только обосновывала действия России на международной арене, но и формировала восприятие её роли в глазах самого казахского населения. Вместе с тем данный подход приводил к конфликту интересов, так как кочевое общество Казахской степи, привыкшее к автономии, воспринимало попытки модернизации с осторожностью, что создавало социальное напряжение. Таким образом, анализ процесса интеграции Казахской степи в состав Российской империи показывает, что успех управления зависел не только от стратегических и административных мер, но и от способности адаптировать методы к культурным и историческим особенностям населения региона.

ВЫВОДЫ

Геополитическая значимость Казахской степи для Российской империи заключалась в её стратегическом расположении, которое позволяло России расширить влияние в Центральной Азии и создать буферную зону для защиты южных границ от возможных угроз со стороны соседних азиатских держав. Это положение определило высокий приоритет степи в российской внешней политике и оправдывало активные усилия по её интеграции.

Необходимость гибкого управления и учета местных особенностей стала важным уроком для российской администрации в степи. Социально-политическая структура казахского общества, основанная на общественном мнении и традициях, отличалась от централизованных моделей управления. Это требовало адаптации российских методов и применения гибких решений, чтобы предотвратить конфликты и минимизировать сопротивление населения.

Идеологическое обоснование экспансии в виде «цивилизаторской миссии» сыграло роль в формировании имперской политики. Российская империя позиционировала себя как модернизатор и просветитель, что обосновывало её присутствие на международной арене. В то же время это приводило к внутренним противоречиям, поскольку казахское общество, привыкшее к автономии, с осторожностью воспринимало усилия по модернизации, что вызывало социальное напряжение.

Исторический опыт как основа для современной политики многовекторности. Анализ процессов, происходивших в XIX веке, позволяет выявить параллели с современными внешнеполитическими вызовами Казахстана, который продолжает сохранять баланс между Россией и Китаем. Исторический опыт подчеркивает важность учета культурных и социальных особенностей региона, что помогает формировать устойчивые и взаимовыгодные отношения в условиях многовекторной политики.

Статья подготовлена в рамках грантовой программы АНО «Евразия» и является результатом исследования, направленного на подготовку и написание монографического исследования «Новый взгляд на старую эпоху: Казахская степь и Российская империя через призму статистики»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ядринцев, Н. М. (1882). *Сибирь как колония: Географический, этнографический и исторический очерк*. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича. URL: <http://prometeus.nsc.ru/elibrary/siberia/yadr1882.pdf> (дата обращения: 15.10.2024).
2. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. (1868). Т. 16, ч. 3: *Область сибирских киргизов* (сост. Ген. штаба подполковник Красовский). СПб.: Главное управление Генерального штаба.
3. Военно-статистическое обозрение Российской империи: издаваемое по высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба (1848–1858). Т. 14, ч. 3: *Земли Киргиз-Кайсаков Оренбургского ведомства*. СПб.: Типография Департамента Генерального штаба.
4. Словцов, И. Я. (1879). *Путевые записки, веденные во время поездки в Кокчетавский уезд, Акмолинской области, в 1878 г.* Омск: Типография Окружного штаба.
5. Сатпаев, Д. (2024). *Степная демократия и выборы в Великой степи*. Vlast.kz. URL: <https://vlast.kz/avtory/15340-stepnaa-demokratia-i-vybory-v-velikoj-stepi.html> (дата обращения: 21.10.2024).

РЕСЕЙ ИМПЕРИЯСЫНЫҢ ГЕОСАЯСИ ЖОСПАРЛАРЫНДАҒЫ ҚАЗАҚ ДАЛАСЫ

Аңдатпа. Мақала XIX ғасырдағы қазақ даласының Ресей империясы үшін геосаяси маңыздылығы туралы талдауға арналған. Көшпелі қауымдастықтардың интеграция аясында тарих пен геосаясатты біріктіретін және бөлетін аспектілер қарастырылады. Даланың геостратегиялық жағдайы мен қазақ қоғамының бірегей әлеуметтік құрылымы Ресейден әкімшілік әдістерді бейімдеуді талап етті. Экспансияның "өркениеттік миссия" ретіндегі идеологиялық негіздемесі империялық саясаттың негізін қалап, сонымен бірге әлеуметтік шиеленісті тудырды. Тарихи оқиғалар Ресей мен Қытай арасындағы тепе-теңдікті сақтайтын Қазақстанның қазіргі заманғы көп векторлы қатынастарын түсіну үшін негіз ретінде қарастырылады. Мақала геосаясат пен дипломатиядағы мәдени мұраны есепке алудың маңыздылығын көрсетеді.

Түйінді сөздер: қазақ даласы, Ресей империясы, геосаясат, өркениеттік миссия, көшпелі қауымдастықтар, көп векторлы саясат.

THE KAZAKH STEPPE IN THE GEOPOLITICAL PLANS OF THE RUSSIAN EMPIRE

Abstract. The article analyzes the geopolitical significance of the Kazakh Steppe for the Russian Empire in the 19th century. It examines the intertwining aspects of history and geopolitics within the context of integrating nomadic communities. The geostrategic position of the steppe and the unique social structure of Kazakh society required Russia to adapt its administrative approaches. The ideological justification of expansion as a "civilizing mission" provided the foundation for imperial policies but also provoked social tensions. Historical events are viewed as a basis for understanding Kazakhstan's contemporary multi-vector relations, balancing between Russia and China. The article emphasizes the importance of considering cultural heritage in geopolitics and diplomacy.

Keywords: Kazakh Steppe, Russian Empire, geopolitics, civilizing mission, nomadic communities, multi-vector policy.

Автор туралы мәлімет:

Таисия Викторовна Мармونتова, тарих ғылымдарының кандидаты, Астана халықаралық университетінің доценті, «Еуразиялық мониторинг» талдамалық зерттеулер орталығының ғылыми директоры, Астана, Қазақстан Республикасы, marmontova@mail.ru

Әлібек Тимитайұлы Тәжібаев, «Еуразиялық мониторинг» аналитикалық зерттеулер орталығының директоры, Астана, Қазақстан Республикасы

Information about the author:

Taisiya Viktorovna Marmontova, candidate of historical sciences, associate professor of Astana International University, scientific director of the analytical research center "Eurasian Monitoring", Astana, Republic of Kazakhstan, marmontova@mail.ru

Alibek Timitayuly Tazhibayev, Director of the Analytical Research Center "Eurasian Monitoring", Astana, Republic of Kazakhstan.